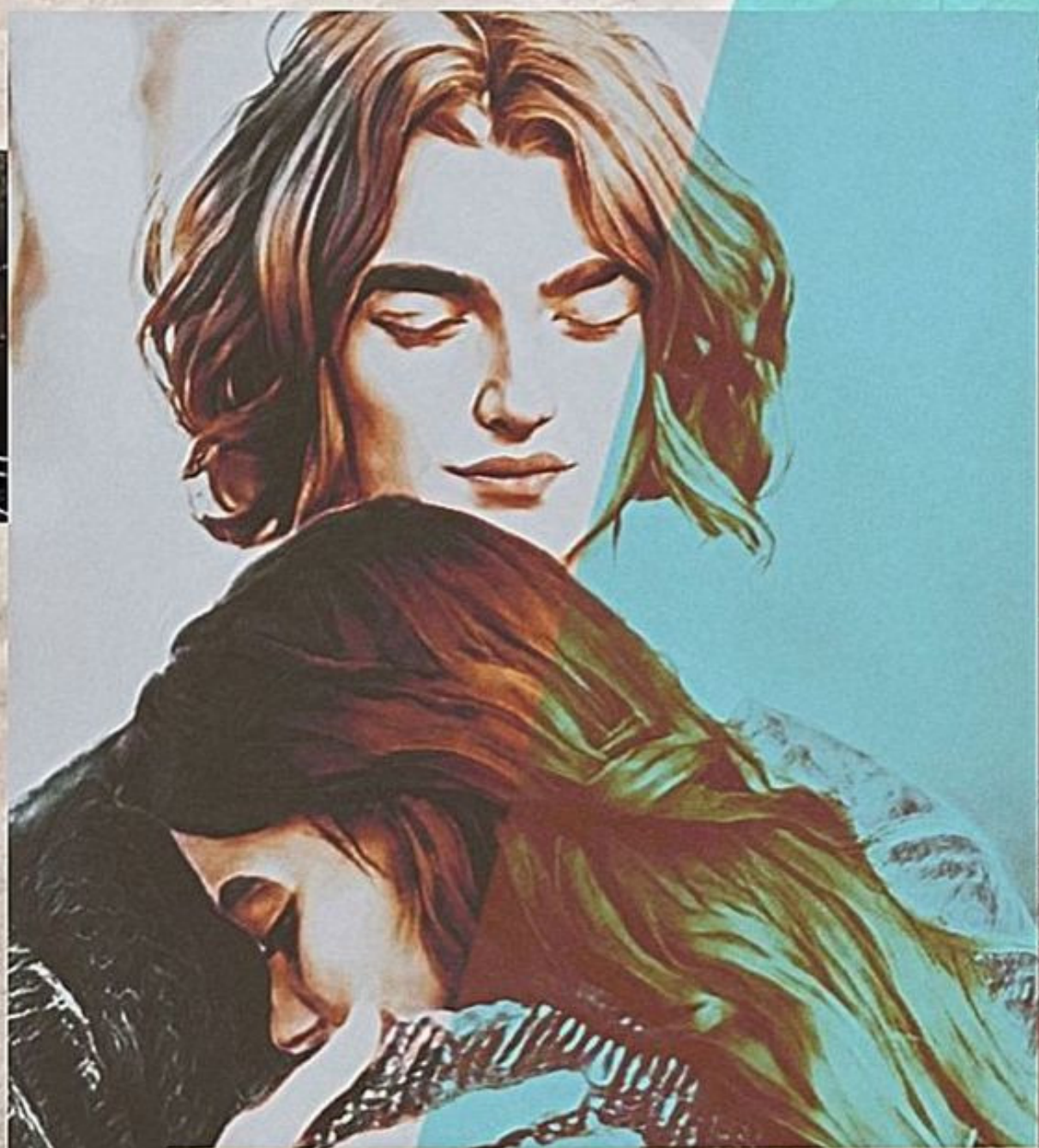

18+

ЕКАТЕРИНА ШИТОВА

СНЕГУРКА

Екатерина Шитова

Снегурка

«Издательские решения»

Шитова Е.

Снегурка / Е. Шитова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-627456-3

Юная Дарьюшка бежит от нелюбимого жениха туда, откуда нет пути назад — в Северный лес. Это царство холода, владения Карачуна. Всех, ступивших на эти земли, хозяин зимы и смерти превращает в лед. Но Дарьюшке повезло — Карачун не только пощадил ее, но и приютил в своем тереме. А спустя год Дарьюшка смогла вернуться из леса живой и невредимой, да еще и с богатыми дарами. Какую цену она заплатила старику за свою жизнь?

ISBN 978-5-00-627456-3

© Шитова Е.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Снегурка

Екатерина Шитова

© Екатерина Шитова, 2024

ISBN 978-5-0062-7456-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Степан! Степан, ты где? Анфиса твоя рожает!

Толстая черноглазая девка Антонина забежала в кузницу и остановилась на пороге, тяжело дыша. В знойном мареве пышущего жаром горна, стоящего по центру кузницы, работало несколько широкоплечих мужчин. Их голые мускулистые спины лоснились от пота. Антонина покраснела от стыда и сощурила глаза, высматривая среди них Степана, и тут он появился прямо перед ней, вытирая кулаком влажный лоб.

– Ну рожает и рожает, чего так разоралась? – мужчина недовольно глянул на Антонину, – беги за повитухой. Я-то в этом деле ей не помощник. Давно ли мужики с бабами рожать стали?

– Так на улице мороз крепчает! – воскликнула Антонина, страшно выпучив глаза.

– И чего? Дров-то у нас в сарае полно. Разве не затопила она печь? – удивился Степан.

Антонина схватилась пухлыми ладонями за голову и закричала, что есть сил:

– Так не дома, она рожает, Степан! На улице она!

– Чего ж ей на улице в такой мороз делать? Нынче люто морозит. Не должна была она из дома выходить.

– А я почему знаю? Я мимо бежала, смотрю – лежит кто-то на дороге прямо. Испугалась я. Потом смотрю – вроде, человек лежит, а рычит будто как зверь. Подошла поближе, присмотрелась толком, а это Анфиска лежит, стонет. Я ее и так, и эдак пыталась поднять со снегу-то, да больно разнесло ее на сносках. Тяжела стала – не подымешь. Вот и бросилась я бежать за тобой.

Пока Антонина говорила, сверкая по сторонам черными, как смоль, глазами, лицо Степана все сильнее вытягивалось и бледнело.

– Ты что же, Антонина, Анфису мою на морозе околевать оставила? Так получается? – сурово сдвинув густые брови, спросил мужчина.

– Так, – испуганно ответила она, а потом запричитала визгливым голосом, – А что прикажешь делать? На улице ни души, люди по домам сидят, бока свои греют у теплых печей. И я бы грела, если бы отец не расхворался! К тетке за медвежьим жиром для него бежала, а тут твоя Анфиса! Ступай за мной, Степан, да поскорее, пока не околела она!

Мужчина накинул тулуп на голое тело, сунул ноги в высокие валенки и выбежал на улицу.

– Куда идти-то? – на бегу спросил он.

– Туда! В сторону мельницы! Там увидишь ее! – крикнула Антонина, – да постой, не догнать мне тебя!

Степан припустил по дороге так быстро, что медлительная и неповоротливая баба за ним не поспевала. Скоро скрип снега под его валенками стих. И Антонина остановилась, тяжело дыша. Заправив растрепавшиеся пряди волос под шерстяной платок, она развернулась и пошла быстрым шагом в другую сторону.

– Степан – мужик сильный, сам дотащит до дома свою Анфису. Не побегу за ним дальше. Мне и самой уже домой надо. Отец-то ждет, – сказала она вслух.

Вечер был звездный, светлый. Мороз крепчал, и от этого снег искрился и переливался в свете луны. Степан сразу увидел жену. Она лежала бесформенной черной кучей посреди натоптанной санями дороги. Как будто не человек это был, а груда ветоши, случайно упавшая с чьего-то воза. Подбежав ближе, Степан рассмотрел, что лежит Анфиса совершенно неподвижно, раскинув руки в разные стороны. Голые кисти ее побелели от холода.

Мужчина растерянно оглянулся в поисках Антонины, но девушки нигде не было видно. Видать, отстала. Степан остановился в нескольких шагах от жены, грудь его вздымалась от быстрого бега, от разгоряченного тела валил пар. Ему было страшно.

– Анфиса, ты жива? – хриплым голосом спросил Степан.

Анфиса не шевелилась, голова ее была повернута в его сторону, и она смотрела на Степана жутким, застывшим взглядом. Белое окаменевшее лицо будто светилось в темноте. Мужчина вдруг резко согнулся, словно переломился пополам.

– Анфиса! Анфисушка! Ты чего? Вставай! А ну, вставай, родненькая! Околеешь на морозе!

Степан склонился над мертвой женой, коснулся ее замерзшего лица своей горячей щекой, потом схватил ее за плечи и стал тянуть на себя.

– Какой леший тебя, ягодка моя, дернул в этакий мороз на улицу-то бежать? Ну?

Степан прижал неподвижное тело Анфисы к себе и стал гладить ее по спине. По щекам его покатались слезы. Маленькие горячие капельки путались в густой бороде кузнеца и превращались в льдинки.

– Нет, не пущу я тебя на тот свет, слышишь меня? Анфиса, милая моя, вставай, ну же!

Он снова взял жену за плечи и в этот раз затряс изо всех сил. Голова Анфисы безвольно перекатывалась из стороны в сторону. Степан задрал голову, лицо его сморщилось, а потом он раскрыл рот и закричал. Боль выходит из человека со слезами, со словами, с криком. Если оставить ее внутри, как есть, не выпустить, можно запросто умереть от ее разрушительной силы.

Ослабевшими от горя руками Степан положил жену обратно на снег и зачем-то стал застегивать расстегнувшуюся пуговицу на ее тулупе. Пальцы замёрзли, не слушались и соскальзывали с петли. Из груди Степана вырывались рыдания и хрипы. Он всхлипывал, закусывая губы до крови. И тут внезапно из-под тулупа Анфисы послышалось тихое кряхтение. Мужчина замер, прислушиваясь, а потом резким движением распахнул полы Анфисино тулупа и ахнул от удивления. Платье жены насквозь пропиталось кровью, а между ее ног лежал ребенок, до сих пор связанный с нею толстой пуповиной.

– Господи-Боже! – воскликнул Степан, прижав ладонь к губам.

Ребенок был жив. Взмахнув тонкими ручками, он отчаянно и громко закричал. Этот звонкий, надрывистый, живой голосок разбил оцепенение Степана. Не задумываясь, он наклонился к ребенку и зубами перегрыз пуповину. Потом скинул свой тулуп, закутал в него младенца и со всех ног побежал к дому. Степан боялся, что, пока он бежит, ребенок задохнется внутри тулупа, но открыть его он тоже не мог, мороз стал до того сильным и трескучим, что голая, покрытая потом спина Степана тут же заледенела, а его борода, ресницы и волосы покрылись белым инеем.

Он забежал в дом, не чувствуя ни рук, ни ног и, бросив тулуп с ребенком на стол, упал на колени и завыл от боли. Замерзшие конечности ломило, лицо и спину жгло огнем. Боль в теле смешалась с болью душевной, и от этого всего из глаз Степана снова покатались слезы.

– Анфиса, Анфисушка... – катаясь по полу и захлебываясь слезами, повторял он.

А потом из тулупа послышалось тихое попискивание ребенка. Степан замолчал, тяжело поднялся с пола, взял спички и зажег керосиновую лампу. Только после этого он развернул тулуп. В мягком свете лампы, он, наконец, рассмотрел, что Анфиса выродила девочку. Новорожденная громко кричала, широко разевая маленький беззубый рот, тельце ее стало ярко-красным от напряжения, тощие ручонки с растопыренными пальцами, нервно тряслись. Степан поглядел на девчонку и тяжело вздохнул.

– Заморозила ты, значит, мамку, и орешь теперь? Из-за тебя моя Анфиса погибла. Не девчонка ты, а Снегурка бездушная! Ух, вот я тебя саму сейчас на мороз-то вынесу, околевой там. Была бы парнем, ещё бы оставил тебя при себе. Помощник, как-никак. А ты-то, девка, зачем мне нужна?

Степан взял кричащую девочку на руки. Она, крошечная, как цыпленок, целиком уместилась на его широкой ладони. Похныкав, девочка вдруг притихла, почувствовав живое человеческое тепло. Сунув кулачок в рот, она принялась сосать его, громко причмокивая. Степан

поднес ребенка к двери, распахнул ее, запуская в дом облако белого пара, но остановился, опустил голову. Дверь захлопнулась.

– Да что же я, зверь что ли какой? Убийцей никогда не был и не буду. Раз ее сам Карачун пожалел, не заморозил, пусть живет дите. Отдам ее кому-нибудь из деревенских баб, воспитают. Мне она точно не нужна.

Степан, как сумел, закутал уснувшую девочку в одеяло и положил кулек на кровать. А сам накинул тулуп и побежал за Анфисой.

Жену Степан любил до одури. Бывало, Анфиса только взглянет на него, а он уж весь горит огнем, Анфиса едва нахмурится, а он уж бежит, подарок ей несет, Анфиса лишь взмахнет платком, а Степан уже играет ей на балалайке, чтоб та плясала. Красивая, большеглазая, полная и румяная – она была для него идеалом, за нее он, не раздумывая, готов был отдать свою жизнь, ради нее он, наверное, мог убить.

Он добивался ее два года. Она на Степана поначалу совсем смотреть не желала, потому как в другого парня была крепко влюблена. Степан своих чувств не скрывал.

– Пойдешь за меня, Анфиска? – постоянно спрашивал он.

– Не ходи за мной, Степа! Даже если ты один из всех парней в целом мире останешься, я и тогда на тебя не взгляну! – смеялась ему в лицо Анфиса.

Родителей у Анфисы давно померли, ее вырастила бабка. Надзору за ней надлежащего не было, поэтому вела она себя вольно, не как другие девки. Гуляла допоздна, бесстыже целовала парней, распускала косы и смеялась громко, запрокинув голову. Степана эта ее вольность только пуще манила и влекла. В Анфисе бурлила и кипела жизнь. Жизнь всегда притягивает, даже больше, чем красота. Катерина, мать Степана, все ворчала, глядя, как сын из кожи вон лезет из-за распутной соседской девки.

– Готовых невест – полная деревня. Девочек красивых – тьма тьмушая. Любая за тебя, Степушка, пойдет, только пальцем помани.

– Мне любую не надо, маманя, – мечтательно отвечал Степан, дерзко откидывая назад свои черные, как смоль кудри, – Я Анфису люблю. Мне только она нужна, одна-единственная.

– Ты-то любишь, а она-то сама тебя любит? – ехидно спрашивала Катерина, и сразу же сама себе отвечала, – То-то же. Ей-то ты больно нужен! Даже не смотрит в твою сторону. Да и распутная она какая-то! Глаза у нее больно уж блестят. Видела я раз на празднике, как она с парнями пляшет, как им улыбается, глазищами своими зыркает! Парни вокруг нее, точно пчелы вокруг меда, вьются.

– Пусть. Пускай пляшет, мама. Пускай молодую дурь свою выплясывает. А придет время, все равно моей будет, никуда не денется! – уверенно отвечал Степан матери.

Время шло, а упрямая и своенравная красавица на Степана смотреть никак не желала. Но он все-таки дождался своего часа. Парня, в которого была влюблена Анфиса, родители женили на другой – той, у которой отец был богатый и приданое хорошее. Анфиса две недели после этого из дома не выходила, плакала, горевала. А потом пришла, исхудавшая и зареванная, к Степану и сказала:

– Приходи свататься, Степа, если еще не передумал.

Степан глаза округлил и затрясся весь.

– Взаправду пойдешь за меня? Не шутишь? – шепотом спросил он.

– Не шучу ни капли, – тоскливым голосом ответила Анфиса.

Она подошла к нему и положила голову на широкое плечо. И тут Степан понял, что еще немного, и лопнет от счастья, так он весь наполнился им. Он подхватил девушку на руки и закружил вокруг себя. Вошедшая в это время в дом Катерина побледнела, ахнула и всплеснула руками.

– Чего это вы тут выплясываете? – недовольно спросила она.

– Как не плясать-то? – воскликнул Степан, – Я ведь говорил тебе, маманя, что Анфиса моей будет! Завтра же идем свататься!

Степан глаз не сводил со своей красавицы-невесты, поэтому не видел, как скривилось лицо матери. Она отвернулась и выбежала из избы. В темных сенях Катерина закусил губы до крови, так много в ней было злости в тот момент.

– Вот мерзавка! Ну я ей покажу, как жизнь моему сыночку портить!

Анфиса сразу поняла, что будущей свекрови она не по нраву. Девушка прильнула к Степану и испуганно проговорила:

– Мама твоя, видать, другую невесту тебе хочет сыскать.

Степан ухмыльнулся и крепко обнял девушку.

– Ничего не бойся, как я сказал, так и будет.

И вправду, вскоре молодым сыграли свадьбу. Катерина до последнего пыталась разубедить сына жениться, но тот уперся на своем – люблю, и все.

– Жениться надо на трезвую голову, Степушка. Любовь ослепляет. Ты ровно пьянеешь, когда эта Анфиска рядом появляется. Не видишь и не слышишь ничего, – сказала сыну Катерина накануне свадьбы.

– Так это и есть счастье! Я от счастья пьян, маманя! – ответил он и рассмеялся, запрокинув голову.

– Счастье? Ну-ну... Это ведь самое короткое и обманчивое, что может быть в жизни, – проговорила Катерина, но Степан ее уже не слушал.

Свадьба была веселая, шумная. Гуляла на ней вся деревня. Жених был весел и счастлив, а невеста рядом с ним сидела бледная и растерянная. Но счастье, которым так гордился Степан, и вправду длилось недолго, как и предупреждала мать. В первую брачную ночь мужчина понял, что невеста ему досталась с изъяном. Он вскочил с постели, и на глаза его выступили жгучие слезы.

– Ты что же, Анфиса...

Он занес над ней мощный кулак, но ударить не решался.

– Прости меня, Степа! – закричала молодая жена, – только не бей! Не бей, пожалуйста!

– Бить не буду. Возьму топор и сразу тебя на части порублю! – сквозь зубы процедил Степан, страшно вытаращив глаза.

Анфиса закричала пуще прежнего от страха, а потом прижала руки к животу и всхлипнула:

– Не бей! Беременная я...

Соскользнув с белой простыни, она бросилась на пол, прижалась мокрым от слез лицом к ногам мужа и принялась осыпать их поцелуями.

– Прости, прости, прости меня за обман, Степушка! – рыдала Анфиса, – ну кому я такая нужна, кроме тебя? Я знаю, ты добрый, ты простишь меня.

Степан поднялся, вытер мокрое от слез лицо. Та, о которой он грезил ночами два года, валялась в его ногах, но теперь ему даже смотреть на нее не хотелось. Его тошнило от нее. Он плюнул Анфисе в лицо, оттолкнул ее ногой, оделся и вышел из спальни.

В ту ночь он не сомкнул глаз. Только он закрывал их, в надежде уснуть, как тут же перед глазами появлялась Анфиса, извивающаяся, точно змея, вздыхающая томно под другим парнем. Сколько раз у них было? Один, два или больше? Сил не было думать об этом, но Степан все думал, думал. Целую неделю после брачной ночи он не приходил домой, на обед навещался к матери, спал на сеновале.

– А я тебе говорила, что она распутница! – злобно шептала Катерина на ухо сыну, – позор-то какой!

– Отстань, маманя! Разберусь, – отмахивался от нее Степан.

А потом Анфиса сама пришла к нему среди ночи, скинула с себя легкий платок, покрывающий плечи и прошептала:

– Ты или бери меня, Степушка, раз женой своей назвал, или я в лес уйду. Пусть меня там смерть возьмет, раз ты не берешь.

Степан уставился на нее сонными глазами – на пылающие щеки, на полные груди, на круглые, покатые бока. И показалось ему, что он такой красоты никогда не видывал и, если уйдет от него Анфиса, то и не увидит больше. Любит он ее, несмотря ни на что. Любит так, что, если потеряет, то не переживет этого.

Он встал, подошел и, упав перед женой на колени, уткнулся лицом в мягкие складки на животе и ниже – в жесткую, сладко-пахнущую кучерявость. Анфиса, томно застонав, вцепилась пальцами в волосы Степана. Он повалил ее на колкое сено, сорвал с себя портки и прижался к ней разгоряченным телом. Анфиса вскрикнула и впилась острыми ногтями в спину мужа. И понял тогда Степан, что все от неё примет, все стерпит, только бы всегда чувствовать под собой эту ее бабскую мягкость, вдыхать сладостный, теплый, родной запах.

Когда поутру они оба проснулись на сеновале, Степан ну руках отнес Анфису в дом, и там, на супружеской постели, еще раз окунулся в ее объятия. Анфиса была нежна и податлива, только избегала встречаться с ним взглядом, стыдливо отводила глаза в сторону.

– Спасибо тебе. Я теперь все буду делать, что ты мне прикажешь, Степушка, – тихо проговорила она, когда Степан одевался на работу.

Он бросил на нее суровый взгляд через плечо, а потом сказал:

– Ты мне не собака, а я тебе не хозяин, чтобы приказывать. Что было, то было, назад не воротить. Ребенка твоего я, как своего собственного, приму и выращу, обижать не буду. Не переживай об этом. И не стыдись больше.

Анфиса прижалась всем телом к широкой спине мужа и обсыпала его шею поцелуями.

– Как я счастлива, что ты у меня есть, Степушка! Как же мне повезло!

После этого примирения Степан, как ни странно, почувствовал еще большее счастье. Сейчас его любимая не только была с ним, она еще и боготворила его за то, что он спас ее от позора. Стали они жить с Анфисой мирно и дружно, Степан искренне простил красавице-жене все грехи. Вот только Катерина никак не хотела прощать невестку. Пока та ходила на сносях, она даже смотреть не желала в ее сторону. А узнав, что Анфиса умерла в родах, Катерина не удивилась, только вздохнула и отвернулась, чтоб скрыть злорадную улыбку.

Похоронив жену, Степан стал думать, кому отдать ребенка. Не самому же возиться с грудной девчонкой, тем более, не родной! В первые дни ему с ней помогла мать, но после похорон Катерина сразу сказала Степану, что такая внучка ей не нужна.

– Еще чужих нагуляных сопливых детей не нянчила! Отдай кому-нибудь или ищи себе другую жену, чтоб она с ребятенком возилась. Только путную в этот раз бери, чтоб в голове ветер не свистал, – строго сказала мать.

Но Степану было теперь не до баб, он на них совсем смотреть не мог, сразу перед глазами вставало белое лицо Анфисы. Она умерла, а Степан говорил с ней постоянно, когда был дома один, обращался к ней по имени, как будто жена не в могиле лежала, а была где-то совсем рядом, за стенкой.

А еще Степан совершенно не знал, как ухаживать за крошечной девочкой. Он несколько лет проработал в кузнице, знал все о железе и о раскаленном металле, но при этом понятия не имел, как ухаживать за малым ребенком и подходят ли для этого его руки – натруженные, грубые, мозолистые. Младенец постоянно кричал, требуя то еды, то тепла, и Степан целыми днями бегал, как ужаленный: то менял пеленки, то грел на печи козье молоко, то стирал грязное белье в большом корыте. Ночами он ходил туда-сюда по комнате, качал отчаянно крича-

щую девочку. Он не понимал, что ей нужно, отчего она заходится плачем. Поэтому опять же разговаривал с мертвой женой.

– Видишь, Анфиса, нелегко нам со Снегуркой без тебя. Ничего у меня без тебя не получается! Хозяйство в беспорядке, скот запустил совсем, дома грязища. Хоть бы ты подсказала мне, как ты со всем справлялась, как все успевала одна.

Постепенно бессонные дни и ночи слились для Степана в одни нескончаемые сутки, и он, потеряв счет времени, решил, что больше так не может, что пришла пора искать для девчонки пристанище. Было у него на примете несколько хороших баб, кто мог заменить девочке мать.

– Извини, Анфиса, но я так больше не могу, – как-то сказал вслух Степан.

Он собрал приданое и, договорившись с одной бабой, решил избавить себя от обузы, отнести ей девочку. Бабу звали Арина, была она уже в зрелых годах, своих детей с мужем не нажила, все только с чужими нянчилась. Для нее маленькая дочка стала бы настоящей отрадой.

– Ни о чем не переживай, Степан. Оставляй ее, сиротинушку горемычную, Я ведь ее, как родную, любить буду. Вон она какая у тебя складная да курносая! Как такую не полюбить? – ласково проговорила Арина.

Степан сунул в руки женщине толстый свёрток из одеяла, в которое была завернута девочка, и руки его вдруг затряслись от волнения. Сердце екнуло, тяжело застучало, когда Арина прижала девочку к пышной груди, любуясь на ее кругленькое личико.

– Хороша девка! Как хоть назвал такую красоту? – спросила Арина.

Степан пожал плечами.

– Никак не назвал. Снегуркой иногда кличу. В такой мороз выродилась!

Арина улыбнулась доброй щербатой улыбкой. Девочка захныкала, и она принялась качать ее, напевая вполголоса колыбельную.

– Ладно, пойду я, – неуверенно проговорил мужчина.

– Ступай, ступай! Я справлюсь!

Арина кивнула, и Степан пошел, на ходу застегивая тулуп. У выхода он замешкался, но потом резким движением распахнул низкую дверь и, пригнув голову, вышел в тёмные сени. Там Степан остановился и закрыл глаза. В груди защемила тоска, он не мог представить, что в доме его теперь будет тихо. Так тихо, как в той самой могиле, в которой лежала Анфиса. Промёрзшая земля укрыла ее своей тьмой и вечной тишиной. И вот, в доме теперь без нее и без этой маленькой крикливой девчонки будет так же тихо и страшно.

Степану надо было уходить, но ноги не шагали, как будто он прирос тут к заиндевелому полу. Перед его глазами вдруг возникло лицо жены – Анфиса смотрела на него укоризненно и молчала. У него даже мурашки по спине пошли, такое яркое было это видение. И вот, к своему изумлению, поддавшись нахлынувшему родительскому чутью, Степан вдруг развернулся и зашел обратно в избу. Арина удивленно взглянула на него. Степана обожгло видом оголенной женской груди, которой баба пыталась уговорить кричащую девочку. Щеки запылали, он отвел глаза, стянул с головы шапку и проговорил низким голосом:

– Арина, это само... Передумал я. Отдай мне назад девочку.

Арина выпучила глаза, запахнула наспех платье.

– Да как же ты один с дитем-то будешь, Степан? Не чуди, не мучь ни себя, ни ребенка!

Глаза Арины налились слезами. Но Степан резким движением выхватил девочку из ее рук, завернул ее наспех в одеяльце.

– Как-нибудь справлюсь! – сказал он и выбежал на улицу.

Морозный воздух освежил пылающее лицо кузнеца. Он глубоко вздохнул и оглянулся – Арина босая стояла в дверях, кутаясь в шаль. Взгляд ее был грустный и разочарованный.

– Ты хоть имя ей дай, Степан, да в церковь сноси, покрести. Негоже человеку без креста и без имени.

Степан кивнул, побежал по улице, прижимая к себе ребенка.

– Прости меня, Анфиса, прости, прости! – бормотал он себе под нос.

– Эй, Степан! Когда на работу-то придешь? Мне бы коней подковать! – окликнул Степана крепкий мужик, проезжающий мимо на санях.

Но Степан даже не взглянул на него, как будто ослеп и оглох. Мужик удивленно посмотрел вслед кузнецу.

– Совсем Степан из ума выжил после смерти жены. Эх, жалко мужика, – вздохнул он и поехал дальше.

Степан, забежав домой, положил дитя на кровать, а сам растопил печь.

– Ну вот, Анфиса, сейчас избу нагреею, воду вскипячу и намою нашу Снегурку. Но вначале покормлю ее, – сказал Степан, глядя куда-то в стену.

Девочка, услышав его голос, закопошилась в одеяле, закричала, требуя внимания. Степан скинул с себя тулуп, согрел молока и, плеснул с полчашки в коровий рог, который приспособил для кормления. Узкий конец рога он отпилил и заткнул его тряпицей, через которую понемногу сочилось молоко. Поначалу девочка захлебывалась, плакала, а потом приноровилась сосать. Сейчас, едва завидев рог, она начала отчаянно бить ручками и ножками, словно бежала к нему навстречу.

– На, Снегурка, пей, набирайся сил! – проговорил Степан, и голос его был полон нежности.

В этот раз он долго и внимательно рассматривал девочку. Правду сказала Арина – красота, да и только. Личико у малышки было круглое, белое, носик – маленький, курносый, глаза – зелёные, большие, а губки, словно алый бантик. Девочка, наевшись, уснула, Степан погладил ее по нежным русым волосикам.

– Ты теперь моя дочь. Я тебя выкормлю, выращу, воспитаю – все честь по чести, – тихо сказал он, помолчал, а потом добавил, – Отныне Дарьюшкой будешь зваться.

Глава 2

двадцать лет спустя

Кошка спрыгнула с лавки на пол и, мяукнув, стала тереться об ноги девушки.

– Обожди, Мурка, мне отцу ужин нужно собрать. Он уж скоро воротится, а у меня стол пустой. Засиделась я нынче за прялкой!

Девушка наклонилась к кошке и погладила ее по пушистой рыжей шерстке. Кошка снова мяукнула, и села на полу, смотря желтыми глазами на хозяйку.

Девушка была высокая и тонкая, как молодая березка. Две длинные русые косы свисали до самого пояса, кучерявились на концах. Щеки ее были круглые да румяные, зеленые глаза сверкали, алые губы то и дело расплывались в радостной улыбке.

– Мурка, Мурка, рыженькая шкурка! – припевала она, раскладывая еду по чашкам.

Девушка выглядела так, как выглядят люди, которые любят жизнь и довольны тем, что она им дает. И вправду, все у нее было для счастья – кров, пища, наряды, отец заботливый и любящий.

Услышав на улице звуки гармонии, девушка замерла на секунду, а потом встрепенулась, бросилась к окну и улыбнулась широко.

– Мурка, я на одну минуточку выбегу! – воскликнула девушка.

Она погладила кошку, накинула на плечи полушубок и выбежала из избы, запустив внутрь облачко белого пара.

– Алеша! – звонко крикнула она.

Звуки гармонии тут же стихли. Молодой парень обернулся на зов и, оставив компанию парней и девок, подошел к девушке.

– Дарьюшка... – восторженно выдохнул он, взял ее руку и прижал к холодным губам.

Юноша был молод и красив – голубые глаза, волевой подбородок, тонкие усики над верхней губой и светлые кудри, торчащие в разные стороны из-под меховой шапки. Девушка покраснела от его взгляда, сердце ее забило в груди тяжело и гулко.

– Выйдешь сегодня, Дарьюшка? Мы на край села идём песни петь, – проговорил юноша, не сводя глаз с девушки, – приходи, буду ждать.

Девушка отвела взгляд, лицо ее стало грустным и серьезным.

– Не знаю, Алеша. Отец с утра больно строг был. Поди не отпустит.

– А ты тайно прибегай, как он спать ляжет. Не впервой! – шепнул Алеша, наклонившись к самому лицу Дарьюшки.

Они смотрели друг на друга, их дыхание смешалось, превратилось в легкий белый пар. Дарьюшка бы так простояла целую вечность, держа за руки любимого, но парень воскликнул:

– Что ж ты, Дарьюшка, раздетая-то бегаешь по морозу? А ну-ка давай беги домой, с Карачуном шутки плохи. Нашлет горячку, хоть бы что.

– Мне с тобой не холодно совсем. Видно, любовь согревает так, что никакой Карачун не страшен! – улыбнулась она.

Алеша обнял ее, и от его прикосновения по всему девичьему телу разошлось тепло.

– Беги домой, Дарьюшка! Даст Бог, свидимся!

– Я приду, Алеша! – прошептала девушка.

Она улыбнулась, на короткий миг коснулась своими губами холодных губ парня, а потом побежала домой. Сердце при этом так и выпрыгивало из ее груди от счастья.

Уже целый год Дарьюшка трепетала от пылкой любви к деревенскому гармонисту Алеше. Играл он так, что у всякого, даже немощного, ноги сами собой шли в пляс. А уж как начинал петь, так и вовсе все в округе замирали от восторга, и уж только потом начинали подпевать.

Гармонистов, равных Алеше, в близлежащих деревнях не было. Люди про него, ради забавы, говорили, что он родился с гармошкой в руках. Это, конечно, были шутки, но с тех пор, как Алеше исполнилось четырнадцать лет, он гармонь из рук не выпускал, она постоянно была с ним. Он даже в поле носил ее, повесив за спину.

Бывало, идет Алеша по улице и наигрывает весёлую мелодию. И сразу прохожие начинают улыбаться, подмигивать молодому гармонисту, и вот уже незаметно целая толпа следом за ним собирается. Кто поет, кто босыми пятками по придорожной пыли такт отбивает. И все идут за ним по деревне и поют. В обычные дни просто так после работы ходили, чтоб тоску и усталость согнать. А по выходным стал Алеша водить молодёжь на край села. Там парни и девки выбрали поляну, сколотили лавки, чтобы было, где присесть, отдохнуть.

Приходила молодежь на поляну по светлу, а как ночь на деревню спускалась, на поляне разгорался костер, и начиналось самое веселье – парни и девки пели, плясали в общем кругу да друг с другом переглядывались без страха. Темнота делала их смелее. От таких «гляделок» сначала дружба между ними завязывалась, а потом и любовь незаметно вспыхивала. Много ли молодым нужно, чтобы полюбить друг в друга? Одна задорная плясовая да пара страстных взглядов.

Дарьюшка на вечорках ни с кем не плясала. Она скрывала свои чувства к красавцу-гармонисту, но стеснялась даже смотреть на него. Когда же на Алешу положила глаз одна из девушек, шустрая Тамара с рыжими косами, Дарьюшке стало невмоготу молчать о своих чувствах.

– Ты, Алеша, прямо как тот Лель, – пересилив стеснение, сказала Дарьюшка на одной из вечерок.

– Что еще за Лель такой? – с улыбкой спросил гармонист.

– У наших предков был такой бог, он наполнял сердца молодых людей любовью.

– То бог! Он может все! А я-то что? Я просто на гармошке бренчу, как могу! – усмехнулся парень и удивленно посмотрел на девушку.

Дарьюшка залилась румянцем,

– Не бренчишь! Ты на гармонии играешь, да так хорошо, что от этого сердца парней и девок любовью наполняются. Сколько после летних посиделок пар в деревне переженилось? Едва только свадьбы отгремели. А ведь все они здесь, на твоих посиделках, друг друга высмотрели!

Девушка смотрела на гармониста большими, восторженными глазами. И он вдруг стал так горд собой, что голова закружилась, как будто он захмелел без вина. И вправду ведь, все так и есть. Отец Алеша все ворчит, что он со своей гармонью, как с грыжей носит. А получается, все не зря. Вот так Дарьюшка, сама того не ведая, обошла всех своих соперниц тем, что высказала мужчине свое искреннее восхищение.

– Что же это сама-то ты, Дарьюшка, никого не полюбила? – тихо спросил Алеша, наклонившись к девушке, – Парни вокруг тебя вьются, да только ты никого из них так и не выбрала себе в женихи.

– А я выбрала! – воскликнула Дарьюшка и покраснела от собственной дерзости.

– Кого же? – спросил Алеша.

Девушка стыдливо опустила глаза, и он все понял без слов, понял, что мил ей. Сердце гармониста екнуло от счастья, ведь он считал Дарьюшку первой красавицей на деревне. Ему казалось, что она вовсе и не смотрит в его сторону, и вот оно как все повернулось!

В тот вечер гармонь все больше молчала, только изредка Алеша брал ее в руки и растягивал меха. Вместо нее звенела балалайка, которую принес с собой один из парней. Алеша и Дарьюшка весь вечер говорили друг с другом, держась за руки, и глаза их сияли ярче осенних звезд, которыми было сплошь обсыпано круглое небо.

– Накрывай на стол, дочь! Да про самогонку не забудь. К нам гость дорогой пожаловал!

Низкий голос Степана прогремел на всю избу. Он вошел и отряхнул у порога бороду, припорошенную снегом. Дарьюшка встрепенулась, побежала на кухню, склонилась в поклоне перед отцом и незнакомым худосочным мужчиной. Пока они снимали запорошенные снегом тулупы и меховые шапки, пока мыли руки и лица, фыркая и брызгая водой на пол, Дарьюшка торопливо накрывала на стол. Она поставила посередине бутылку, наполненную мутной жидкостью, слезила в подполье, достала из кадушек соленых грибов и огурцов и все эти закуски разложила по тарелкам. Стол вышел на славу, будто праздничный. Степан с довольным лицом осмотрел разносолы и, обняв Дарьюшку за плечи, повернулся к своему гостю, который, в свою очередь, с нескрываемым интересом разглядывал молодую хозяйку.

– Вот, Игнат Ильич, знакомься! Это и есть моя гордость, моя краса, моя единственная доченька Дарьюшка. Посмотри, какая она у меня умная, какая послушная! Никто ее по хозяйству хлопотать не учил, выросла-то ведь без матери, а все умеет, всему сама научилась.

Гость, прищурившись, уставился на Дарьюшку. Она покраснела от пристального взгляда чужого, незнакомого мужчины и отвела глаза.

– Пойду я, батя, к себе. Не буду вам мешать, – тихо проговорила она.

Но отец схватил ее за руку и воскликнул:

– Да что ты? Ты не мешаешь нам нисколько! Игнат Ильич с тобою поближе познакомиться давно хочет. Так что садись с нами ужинать, дочка, не стесняйся!

Дарьюшка села на край скамьи и сложила руки на колени. Игнат Ильич сел напротив и не сводил глаз с ее лица. Мужчина не понравился ей. Он был уже не молод и было в его некрасивом, худом лице что-то отталкивающее – не то хитрое, не то злое. От его взгляда в душу Дарьюшке закрались тяжелые мысли. А отец все шутил, сам смеялся над своими шутками и все пуще расхваливал дочь.

– Она у меня не только умница и красавица, Игнат Ильич. Она у меня еще и скромная, домашняя. Я ей говорю, сходи, Дарьюшка, погуляй с подружками, а она мне – не хочу, батюшка, лучше приданое повышиваю у окошка.

Степан повернулся к дочери и ласково погладил ее по голове. Дарьюшка вся сжалась от этой неискренней ласки.

– А фигура-то, фигура-то – глянть! Ты не смотри, что она тощая, все при ней! Не девка, а чистое золото! Встань, дочь, не стесняйся!

Степан взмахнул рукой, и Дарьюшка нехотя поднялась с лавки, но тут же села на место, покраснев от стыда.

Игнат уплетал картофельную похлебку, приготовленную Дарьюшкой, за обе щеки, и кивал головой, его жидкие волосы падали на лицо при каждом движении. Дарьюшке было сложно сидеть и слушать, как ее обсуждают, будто лошадь перед продажей. Она уже поняла, что Игната Ильича отец выбрал ей в женихи. Он ей с самого детства только и твердил, что за абы кого ее не отдаст, выберет ей лучшего жениха. Дарьюшка никогда не спорила, ей все время казалось, что до замужества еще далеко. И вот как-то незаметно ей исполнилось двадцать лет – тот самый возраст, когда пора бы уже обзаводиться семьей и рожать детей. Многие ее ровесницы уже нянчили сопливых младенцев.

Дарьюшка снова посмотрела на Игната Ильича – лицо его было вытянутым, толстые губы лоснились жирным блеском от еды, на голове сияла проплешина, вокруг которой росли тонкие темные волосинки. Мужчина вдруг посмотрел на нее и подмигнул. И Дарьюшку передернуло от отвращения. Нет, за такого она бы и под страхом смерти замуж не пошла! Ну ничего, уйдет он, и она поговорит с отцом, расскажет ему все об Алеше. Отец суровый, но добрый, он поймет ее, непременно поймет. Он всегда делал так, как хотела Дарьюшка, значит, и теперь ее послушает.

Но когда, после сытного ужина, гость покинул их дом, Степан завалился на свою кровать и тут же громко захрапел.

– Ладно, завтра поговорю, – вздохнула Дарьюшка.

Укрыв спящего отца одеялом, она убежала в свою комнату, достала из комода новый пуховый платок, который отец ей подарил на именины, и, накинув его на голову, взяла полуботинки, валенки и тихонько вышла в сени. Одевшись там, она распахнула скрипучую дверь, и вздрогнула от неожиданности – перед дверью неподвижно стояла сгорбленная старуха с клюкой в руках.

– Рот-то прикрой, не то снег налетит! – проговорила старуха скрипучим голосом.

– Бабка Катерина? Что ты здесь делаешь? Почему не спишь в такой час? – испуганно пробормотала Дарьюшка.

– А ты куда направилась на ночь глядя? – строго спросила старуха, зло зыркнув на девушку.

– Так я... С подружками по деревне погулять иду. Батя отпустил.

Бабка Катерина скривила губы, насупила брови и погрозила Дарьюшке костлявым кулаком.

– Собака гуляла, да волки съели! И тебе нечего по ночам гулять, Дарьюшка. Ступай за мной, мне надобно.

Старуха развернулась и, хромя, пошла со двора. Дарьюшка вздохнула и поплелась следом.

Бабку Катерину Дарьюшка не любила и с детства ее боялась. Она всегда была к ней чрезмерно строга, от нее было не дожидаться ни капли ласки. Когда отец ездил по кузнечным делам в город, он оставлял маленькую Дарьюшку с бабушкой Катериной. Для девочки это было, как наказание. Бабка кормила ее раз в день постной гороховицей и заставляла учить молитвы.

– Ты такая же непутевая, как твоя мать! Чтоб ей в гробу перевернуться! – кричала бабка, если Дарьюшка что-то делала не так.

За малейшие провинности и даже за плохо выученную молитву, бабка Катерина хлестала девочку розгой. Дарьюшка знала, что бабушку лучше не злить. Находясь у нее, она старалась смирно сидеть на сундуке за бабушкиной кроватью, и молчать. Порой это было невыносимо. Ей, как любому ребенку, хотелось бегать и прыгать, но это было под запретом.

– Почему моя мама была непутевой?

Так стала спрашивать Дарьюшка, когда подросла. Она не понимала, почему бабка Катерина так не любила ее маму, ведь отец говорил ей, что она была красивой и веселой.

– Мать твоя была душой беспутый. Поэтому Бог ее к себе прибрал. Молись, Дарьюшка, чтобы эта дурость к тебе по наследству не перешла.

И Дарьюшка молилась, стоя на коленях у своего сундука. Она не спорила с бабушкой Катериной, но в душе считала, что она не права, и ее умершая мама была хорошей и доброй – такой, как говорит отец. Девочке ее очень не хватало. Как-то отец привез ей с ярмарки тряпичную куклу с длинными косами из шерстяных ниток. Дарьюшка назвала ее мамой и не расставалась с ней. Даже спала, прижимая куклу к себе. Однажды, когда отца не было дома, бабка Катерина забрала куклу, и Дарьюшка, не найдя ее, проплакала ночь напролет. Выйдя утром на кухню с опухшими от слез глазами, она увидела куклу на столе.

– Где ты нашла ее, бабушка? – радостно воскликнула девочка.

– Меньше разбрасывай, где попало! – огрызнулась старуха.

Бабка Катерина бросила на нее строгий взгляд и отвернулась. Дарьюшка взяла куклу в руки, но оказалось, что длинные косы куклы безнадежно испорчены...

Степан, наоборот, был добр к дочери, он не мог иначе, он ее вынуждал, выкормил, и теперь берег, как зеницу ока. Дарьюшка стала для него самым близким и дорогим человеком. Она была для него важнее всего в жизни. Он все делал ради дочери. Он жил ради дочери. Бабка Катерина все время получала сына, что он неправильно воспитывает Дарьюшку, попрекала его за излишнюю доброту.

– Вырастет из нее такая же потаскуха, как Анфиса, тогда увидишь до чего твоя доброта довела! – шипела она Степану в ухо, словно ядовитая змея.

Тот слушал, кивал головой, но быть строгим к дочери, своей единственной отраде, все равно не мог. Да и Дарьюшка, вопреки бабкиным предостережениям, росла спокойной, доброй и послушной девочкой и на саму бабушку Катерину, несмотря на то, что она ее порола розгой, зла не держала. Он не любила вредную старуху, но все равно относилась к ней уважительно.

Теперь бабушка Катерина, будто нарочно, нарушила все планы Дарьюшки, но даже сейчас девушка не злилась, она покорно шла за старухой к ее дому, лишь печально вздыхала время от времени.

– Чем тебе помочь, бабушка Катерина? – спросила Дарьюшка, едва они зашли в дом.

Она понятия не имела, что старухе понадобилось так срочно посреди ночи. Бабушка Катерина скинула с себя длинную, тяжелую шубу, зажгла тусклую лампадку и поставила ее на стол.

– Садись, – старуха указала скрюченным пальцем на лавку, стоящую напротив ее постели.

Девушка послушно села, а бабушка Катерина убрала с головы платок и легла. Длинные седые волосы разметались спутанными прядями по подушке.

– Помираю я, Дарьюшка. Боюсь, что прямо сегодня и помру. Страшно в одиночестве-то помирать. Посиди хоть ты со мной, напоследок, – тихо проговорила старуха, прижав морщинистые руки к груди.

– Ну что ты, бабушка Катерина! Ты еще поживешь! – воскликнула Дарьюшка и положила свою ладонь на бабушину руку.

Старуха покачала головой.

– Грудь по ночам так давит, как будто кто по ней ножищами тяжеленными ходит. Вздохнуть не могу! Знаешь, внучка, что это?

– Что? – испуганно спросила Дарьюшка.

– Это смерть ко мне подбирается, – прохрипела старуха, взгляд ее затуманился, лицо стало задумчивым, – всю жизнь я жила, думала, что далеко еще до нее, до смерти-то, и вот она вдруг тут как тут, уж надо мной стоит, в лицо дышит. А я все равно не готова помирать, все равно не нажилась еще...

– Бабушка Катерина, ну-ка хватит о смерти говорить! – перебила ее Дарьюшка, – Ты еще у нас вон какая крепкая! Еще овец сама пастушить ходишь! Рано тебе помирать, ты еще на свадьбе моей не поплясала, деток моих не понянчила!

Старуха медленно повернула голову к внучке, посмотрела на нее пристально.

– Это точно, Дарьюшка. Надо Степана поторопить, пусть скорее тебе жениха хорошего подыскивает. Хватит в девках сидеть, – сказала она.

– Не надо, бабушка Катерина, мне женихов искать. Есть уже у меня жених, сам нашелся.

– Чего ты мелешь? Как это – сам нашелся? – строго спросила старуха.

Щеки у Дарьюшки покраснели, она стыдливо опустила глаза и проговорила:

– Алеша, сын плотника Захара. На вечерках мы познакомились. Мил он мне. И я ему мила. Мы с ним уже сговорились, что он свататься ко мне по весне придет.

– Алеша? Этот тот, который целыми днями гармонью меха растягивает и песни на всю деревню горланит? Этот тот, у которого отец – последний пьяница на деревне? Смотри, девушка, яблоко-то от яблони недалеко падает!

В глазах старухи сверкнули злые огоньки, и Дарьюшка опешила. Не такой реакции на свое признание она ждала.

– Алеша – гармонист. Его вся деревня знает и любит. И не только наша, но и все окрестные.

– Что же это за жених такой, Дарьюшка? Тунеядец и будущий пьяница! Работать толком не работает, все только на гармошке играет! Чем же он семью кормить собирается? Наверняка, лапши тебе на уши навешал, а ты и поверила, дура окаянная!

Дарьюшка встала, отошла к окну и всхлипнула от обиды.

– Ты его не знаешь, бабка Катерина, а гадости говоришь! Алеша совсем не такой! Он работающий, добрый, заботливый... А самогон он даже на вкус не пробовал!

– Знали мы таких! Для того, чтоб девке под юбку залезть еще не такое про себя пона-расскажут! Говори, дура, было у вас с ним? Задирал он тебе юбку уже?

Щеки Дарьюшки запыхтели, глаза защипало от подступивших слез, голова разболелась от волнения. Старуха села на постели, забыв о своей боли и уставилась на внучку, сверля ее злым взглядом.

– Что ты такое говоришь, бабка Катерина?

Слезы покатались из глаз девушки, и она разрыдалась. А старуха вскочила с кровати, взяла из угла веник и принялась лупить им девушку по спине.

– Ах ты, зараза ты этакая! Еще и ревет! А сама ходит, хвостом своим вертит, отца обманывает! Распутница! – что есть сил закричала бабка Катерина, – вся в свою мать пошла! Жениха она себе, видите ли, нашла! Потаскуха! Предупреждала я Степана, не слушал!

Дарьюшка пыталась прикрывать голову руками, но жесткие вицы все равно доставали до лица, оставляя на нем красные, жгучие полосы.

Когда бабка Катерина остановилась и прижала руки к груди, чтобы перевести дух, Дарьюшка схватила свой тулуп и выбежала из избы. На пороге она обернулась и прокричала:

– Сегодня-то ты уж точно не померешь, бабка Катерина. Если смерть и придет к тебе, ты ее вмиг веником забьешь!

Старуха яростно швырнула веник в ее сторону, но девушка уже выскочила на улицу, хлопнув дверью.

– Я тебе, распутнице, покажу! От одной избавилась, так вторая точь-в-точь такая же выросла! – прошипела старуха, глядя в окно, за которым плавно текла над деревней светлая звездная ночь.

Дарьюшка прибежала на поляну, когда парни и девки уже разошлись по домам. Костер догорал, и одинокий гармонист сидел возле него, задумчиво смотря в темноту. Гармонь его молчала. Увидев свою возлюбленную, Алеше отставил инструмент в сторону и заключил ее в объятия. Дарьюшка прижалась к нему и заплакала.

– Что с тобой, Дарьюшка? – взволнованно спросил Алеша, – Если тебя кто обидел, дак я тотчас же побегу и убью его! Расскажи, не молчи! Слезы твои мне сердце рвут.

Алеша обхватил мокрое от слез лицо девушки и поцеловал ее. Дарьюшка посмотрела на него с мольбой в глазах и проговорила:

– Нельзя нам весны с тобой ждать, Алешенька. Отец мне жениха ищет. Бабка Катерина масла в огонь подливает. Приходи к нам свататься как можно скорее! Завтра приходи! Можешь?

– Твой отец, поди, меня и на порог не пустит, Дарьюшка! Родня-то у меня сама знаешь, какая. Мать от болезни померла, отец с тех пор пьет беспробудно, – нахмурившись, произнес Алеша.

– Ну... Родных же не выбирают! Я знаю, ты сам моему отцу понравишься. Ты же такой хороший, добрый! Батя мой только с виду суровый, а в душе ласковый. Все, что ни попрошу у него – он все всегда делает. Вот какой моя батя.

Дарьюшка улыбнулась, положила голову на грудь любимому, и он снова поцеловал ее. Они были на поляне одни, можно было целоваться без стыда, все равно никто не видит. Но злые слова бабки Катерины звучали у Дарьюшки в голове, и она отстранилась от парня, опустила голову.

– Если любишь меня, то придешь прямо завтра, – тихо сказала она.

– Приду! – воскликнул Алеша, – Приду, жди! Ты в сердце моем, Дарьюшка, и всегда там будешь. Любовь ведь из сердца не выкинешь, она туда маленьким семечком попадает, а потом прорастает там крепко-накрепко, все заполняет своими корнями.

Дарьюшка поверила возлюбленному, и он не обманул ее. Следующим же вечером Алеша стоял со своим отцом Захаром на крыльце дома кузнеца Степана. Дарьюшка, взволнованная и радостная, широко распахнула перед ними двери. Она была в нарядном платье болотно-зеленого цвета, которое оттеняло цвет глаз и очень ей шло. На тонкой девичьей шее поблескивала ниточка алых бус. Русые косы были уложены вокруг головы, точно корона. Глаза Дарьюшки сверкали, щеки румянились от волнения.

– Хороша девка! Кровь с молоком! Дети будут у вас – загляденье! – шепнул Захар Алеше на ухо.

А сам парень даже растерялся от такой красоты – смотрел и смотрел на Дарьюшку, будто впервые ее увидел.

– У вас – товар, у нас – купец! – громко воскликнул Захар, увидев в дверях Степана.

Но Степан сватам был не рад.

– Наш товар не продажный, – буркнул он в ответ, – и гостям мы нынче не рады!

Дарьюшка от этих слов побледнела, и губы ее скривились.

– Отец, – растерянно прошептала она, – а как же наш уговор?

Степан строго взглянул на дочь и приказал ей ступать в дом. Когда Дарьюшка ушла, он нахмурил брови и сурово посмотрел сначала на Алешу, а потом на Захара.

– Не обессудь, Захар, но лучше уводи своего парня отсюда подобру-поздорову. Я за какого-то гармониста свою единственную дочь замуж не отдам. Пойдет, как положено, за серьезного мужика, такого, как я.

– Степан, ты уж больно суров! Пойдем в избу, выпьем, пообсудим? Дело-то молодое! – заискивающим тоном проговорил Захар.

– Нет! Сказано – все! Ступайте со двора! Сосватана уже моя дочка, – сквозь зубы процедил Степан и, хлопнув дверью прямо перед носом мужчин, скрылся в доме.

Алеша сник, опустил голову и не мог даже взглянуть на отца от стыда.

– Чего это было-то, сынок? – разочарованно спросил Захар, – Неужели девчонка тебя обманула?

Он потрепал сына по светлым кудрям, потом достал из-за пазухи бутылку самогона, откупорил ее и отпил большой глоток.

– Батя, хоть бы сегодня-то не пил! – недовольно проговорил Алеша.

– А чего сейчас – хранить ее что ли? Я на сватовство с собой брал, в честь праздника со сватом выпить, но раз так все вышло, значит, с горя один выпью.

Алеша молча спустился с крыльца и глянул на Дарьюшкино окно, оно было занавешено тканью, ничего сквозь нее не было видно. Ему хотелось постучать, но он не стал. Наверняка, Дарьюшке не до него сейчас. Они с отцом медленно побрели по дороге прочь от дома кузнеца Степана...

А в это время Дарьюшка горько плакала, лежа на узкой кровати в своей девичьей.

– Ты всегда меня понимал, батя, всегда любил и баловал, всегда все по-моему делал! Почему же сейчас ты мою жизнь разрушить хочешь?

Степан гневно ударил кулаками по столу

– И зря! Зря любил! Зря баловал! Ремнем тебя пороть надо было, а не жалеть.

– Да что же ты, батя? Не узнать тебя сегодня, будто бес вселился! – захлебываясь слезами, выговорила Дарьюшка.

Степану было тяжело наблюдать за страданиями дочери, но он поднялся из-за стола, подошел к девичьей и замер в проеме.

– Все, Дарьюшка. Погуляла по вечеркам, и хватит. Кончилось детство. Через месяц замуж тебя выдаю. Сговорились мы с Игнатом Ильичем, берет он тебя.

Дарьюшка даже вздрогнула от этой новости. Ее как будто окатили с ног до головы холодной водой.

– Но он же старый, батя! И вообще, ты меня-то спросил? Я не хочу! Не пойду!

– Тебя никто и не спрашивает. Я отец. Как я сказал, так и будет.

Степан снова стукнул кулаком, на этот раз по стене. Дарьюшка всхлипнула горестно, уставилась на отца большими зелеными глазами, но тот был непреклонен.

– То, что не молод он, так это даже к лучшему. Меньше ругаться будете. Он уже пожил, жену схоронил, денег заработал. Все у него для счастья да для житья есть, так что будет тебя на руках носить, как королевишну.

Дарьюшка вдруг побледнела и затряслась, точно осиновый лист на ветру, взгляд ее стал диким.

– Батя... – прошептала она, – я не пойду. Я Алешу-гармониста люблю.

И тут Степану стало так жаль дочь, что сердце в груди защемило, будто сжало его тисками. Но давеча мать ему такого стыда понарасказывала про нее и про парня гармониста, что он едва успокоился. Сначала – так вообще убить ее хотел. Нет, он не изменит своего родительского решения. Дарьюшка еще наивна и глупа, она позже поймет, что отец делает, как лучше. Еще благодарить его будет потом.

Степан подошел к Дарьюшке, сел рядом с ней и ласково погладил по голове.

– Ничего, дочка. И Игната полюбишь. Женская любовь, она ведь такая, очень уж переменчивая. Уж я-то знаю... Я-то знаю...

Глава 3

На несколько последующих дней Дарьюшка будто выпала из жизни. Она ходила по дому, как привидение, выполняла домашнюю работу бездумно: кашу на завтрак не доварила, обеденный суп пересолила так, что его невозможно было есть, а ужин и вовсе сожгла в печи. На следующий день все повторилось.

– Хватит кочевряжиться, Дарьюшка! Вон исхудала вся! – строго сказал ей отец на третий день.

Дарьюшка взглянула на него затуманенными глазами и покорно кивнула.

– Я завтра с ночевой в соседнее село еду, буду молодежь тамошнюю кузнечному делу учить. А ты тут давай бери себя в руки. Хватит слезами умываться. Устроила трагедию на ровном месте!

Дарьюшка ничего не ответила отцу, но в ее глазах, которые не высохали от слез, мелькнул огонек надежды.

На следующее утро Степан запряг коня в сани и уехал, наказав матери следить за Дарьюшкой. Бабка Катерина пришла к ним в дом, по-хозяйски села за кухонный стол и стала взглядом коршуна следить за внучкой. Впервые в жизни у Дарьюшки встрепенулось внутри какое-то нехорошее чувство по отношению к бабке. Злость? Обида? Она пока сама не понимала, но точно знала, что отец взбесился из-за того, что бабка Катерина наговорила ему про нее неправду, что-то плохое и стыдное. И теперь, без вины виноватая, Дарьюшка для них обоих стала плохой, распутной девицей. А раз так...

Девушка вдруг согнулась пополам и зашлась сильным кашлем.

– Чего с тобой? Попростыла? Вечно бегаешь безо всего! – с тревогой спросила бабка Катерина.

– Угу. Вчера ещё начала кашлять, а сегодня как будто хуже стало. Как бы не заразить тебя, бабка Катерина, а то ты и так по ночам плохо дышишь!

Старуха сурово взглянула на внучку, встала и попятилась к двери. Взяв свой тулуп, она сказала:

– Подорожник себе завари, да грудь получше укутай. Со двора чтоб ни ногой! Я тебя проведывать буду.

Дарьюшка покорно кивнула и проговорила:

– Ступай, бабка Катерина. Я сейчас скотине корм задам, заварю себе подорожник и полежу, что-то совсем плохо мне.

Старуха ушла, а Дарьюшка тут же накинула фуфайку, повязала платок на голову, сунула ноги в валенки, но побежала вовсе не к скотине, а за ворота – по тропке к той улочке, где жил Алеша. Вот только дома она парня не застала. На ее громкий стук из двери высунул голову Захар. Он посмотрел на Дарьюшку пьяными глазами, и узнав ее, широко улыбнулся.

– Опа! А невеста-то сама к нам явилась, не запылилась!

– Дядька Захар, я к Алеше. Позови его, – взволнованно произнесла Дарьюшка.

Мужчина причмокнул губами и развел руки в стороны.

– А нету тут Алешки. Опоздала ты, красавица! – громко икнув, выговорил он заплетаящимся языком.

– Где же он?

– По соседним селам ушел про работы узнавать, – Захар скорчил недовольную рожу, – Алешка мой, знаешь ли, жениться удумал. Да отец-то у невесты, черт рогатый, бедняком его обозвал. Ну да, такие мы! Бедняки!

Захар вызывающе посмотрел на Дарьюшку, выпятил вперед грудь, пытаясь приосаниться, но чуть не упал на крыльцо.

– Но Алешка, дурак мой, взял и обиделся. Я ему говорю – Алешка, девок-то в деревне полно! Любой песню споешь, и твоей будет. А он как баран уперся рогами, и все тут.

Дарьюшка покраснела, отвела глаза.

– Как вернется, скажите ему, чтобы пришел ко мне, – тихо проговорила она.

– Он поди поздно возвратится, куда на ночь-то глядя... – задумчиво произнес Захар.

Уже за калиткой Дарьюшка обернулась и крикнула мужчине, стоящему в дверях:

– Я буду его ждать.

Но Алеша не пришел ни днем, ни вечером. Когда на деревню опустилась густая ночная тьма, Дарьюшка села у окошка, отогрела теплым дыханием небольшой кружок на замерзшем стекле и стала смотреть в темноту. Она хотела помолиться, но слова молитвы путались, она сбивалась, то и дело погружаясь в свои тяжелые думы, и наконец, просто стала шептать еле слышно:

– Приди ко мне любимый мой! Приди, Алешенька! Я так тебя жду, так жду...

Но и это ее заклинание не помогло. Алеша не пришел. Дарьюшка опустила голову на сложенные руки, тоскливо вздохнула и закрыла глаза. За последние дни она выплакала столько слез, что сейчас они как будто закончились. Она и сама была опустошена. Казалось, сна не было ни в одном глазу, но это было обманчивое ощущение. И вскоре Дарьюшка незаметно для себя уснула.

Стук в окно был еле слышен, но у Дарьюшки с детства был чуткий сон. Она могла проснуться от того, что мышь пробежала где-то под потолком. И теперь она тоже сразу встрепнулась от услышанного шума, подняла голову. Окно заледенело, она подышала на него и в маленький, оттаявший от ее дыхания, кружок, увидела в темноте Алешу. Сердце бешено заколотилось в груди. Она поправила растрепавшиеся волосы, пощипала щеки для румянца, прополоскала рот водой и выскочила в сени. Открыв дверь, она бросилась на шею любимому и принялась целовать его.

– Я уж не ждала, а ты пришел, Алешенка! Заходи скорее, милый мой! – прошептала она и потянула парня за собой в дом.

– Мне как отец про тебя сказал, я сразу к твоему дому помчался! – страстно проговорил Алеша, но потом его голос изменился, стал настороженным, глухим, – Но постой, Дарьюшка, а как же отец твой? Он давеча нас и на порог-то не пустил!

– Нет отца! Уехал и к утру только вернется, – прошептала Дарьюшка и улыбнулась, – одна я, Алешенька.

Они зашли в дом. Дарьюшка сняла с парня тулуп, валенки и повела за собой в девичью. Возле своей кровати она, не говоря ни слова, сняла с себя платье, нижнюю рубашку и встала перед Алешей нагая. Гармонист стоял напротив нее красный, как рак, но не мог глаз отвести от Дарьюшки – такая она была белая, мягкая, желанная.

– Знала бы ты, каково мне сейчас. Как будто лютей огонь внутри горит. Но это неправильно, – страстно проговорил Алеша, схватившись за голову, – Давай до свадьбы подождем, Дарьюшка. Может, еще получится у нас с тобой твоего батю уговорить. Поженимся и тогда...

Лицо девушки побледнело, в глазах мелькнул страх. Она покачала головой.

– Нехорошее у меня предчувствие на душе, Алешенька... – прошептала она, – Поди как не увидимся мы с тобой больше.

– Не говори так! – воскликнул юноша, – я от тебя так просто не откажусь!

Дарьюшка подошла к парню вплотную, просунула руку под рубашку и прикоснулась к его горячей груди холодной ладонью. От Дарьюшки сладко пахло печным дымом, хлебом и сушеной мятой. У Алешы закружилась голова от близости девушки. Он прильнул обветренными губами к ее шее, вдохнул девичий запах и понял, что никогда не сможет вдоволь надышаться

ею, ему всегда будет мало. Кожа у Дарьюшки была мягкая и бархатистая, губы – теплые, как парное молоко, а глаза – ждущие и зовущие.

Распущенные волосы девушки мягкими русыми волнами спадали на плечи и на грудь. Алеша смотрел на нее и не мог насмотреться. Она стояла перед ним так близко в предрассветном зимнем сумраке, но при этом никогда прежде он не ощущал такой огромной пропасти между ними. После слов Дарьюшки в душе у него тяжелым камнем повисло ощущение, что скоро с ними случится что-то нехорошее, что им, и вправду, не суждено быть вместе.

– Я буду бороться за тебя, – сказал он ей и, прежде всего, самому себе.

Дарьюшка кивнула, поцеловала Алешу в губы и прошептала:

– Любимый мой! Давай все это сейчас забудем. Вот ты, а вот я. Больше ничего и никого нет.

– А что потом? – спросил Алеша, чувствуя, как огонь жжет тело, а страсть все сильнее затуманивает его разум.

– А что потом – плевать! – воскликнула Дарьюшка, – ты, главное, мне пообещай, что будешь любить меня всегда, несмотря ни на что.

– Обещаю... Обещаю...

Больше Алеша не мог себя сдерживать. Он скинул с себя одежду, притянул к себе мягкую, податливую Дарьюшку и принялся осыпать жаркими поцелуями ее тело и волосы. Уложив ее на узкую постель, он лег рядом с ней и стал гладить дрожащими пальцами бархатистую, нежную кожу. Когда его пальцы добрались до самого заветного девичьего места, он весь напрягся и даже перестал дышать. Дарьюшка шумно вздохнула, откинувшись на подушку, закрыв глаза от томительного ожидания.

– Замужние подружки рассказывали, что это больно... – прошептала она, – но я ни капли не боюсь. Потому что люблю тебя! Я ради тебя готова люблю боль стерпеть!

– Я постараюсь не навредить тебе, Дарьюшка! – ответил Алеша, тяжело дыша.

Он накрыл ее губы поцелуем и навис над ней, опираясь на руки. Дарьюшка обхватила парня за шею, чувствуя, как в живот упирается его твердая мужская плоть.

Но тут входная дверь со скрипом отворилась и, сквозь незадернутую занавеску, Дарьюшка увидела стоящую на пороге темную фигуру бабки Катерины. На несколько долгих мгновений все вокруг замерло, а потом пришло в неистовое движение. Алеша соскочил с кровати и второпях принялся натягивать штаны. Дарьюшка, одним движением надев сорочку, выскочила в кухню и резко задернула занавеску, давая парню одеться. Бабка Катерина, перешагнув порог, с шумом захлопнула дверь и только тогда закричала, страшно выпучив глаза:

– Ах ты, шалашовка распутная! Ах ты, бесстыдница непутевая! Не зря я на тебя, мерзавку, отцу пожаловалась, теперь вот своими глазами вижу, какая ты есть!

– Я вот все думаю, бабка, Катерина, – закричала в ответ Дарьюшка, – за что ты меня не любишь? Что я тебе такого плохого сделала?

Старуха сначала опешила от Дарьюшкиного крика. Спокойная, смиренная внучка никогда на нее не повышала голоса. Топнув ногой, она подняла вверх кулак.

– Что сделала? Да ты всю жизнь моему сыну испоганила! Всю жизнь он не живет толком, все с тобой нянькается. Лучше бы ты подохла тогда, двадцать лет назад, вместе со своей матерью! – зло прошипела старуха.

– Так вот чего ты родной внучке желаешь? – изумленно воскликнула Дарьюшка.

– Какая же ты мне родная?

Лицо старухи скривилось до неузнаваемости, глаза налились кровью, вены на шее вздулись.

– Не родная ты мне! И никогда не была родной ни мне, ни Степану! Ты нагуляная твоей матерью, такой же шалавой, как ты сама! – не своим голосом взревела старуха, – Яблоко от яблони... Ведь знала же... Ведь говорила Степану... Не послушал меня мой сынок!

Дарьюшка стояла с таким видом, как будто ее стукнули обухом по голове, и у нее отшибло память. Она смотрела то на старуху, которая продолжала злобно шипеть свои проклятия, то на Алешу, который стоял, нахмурившись, и держал в руках тулуп и шапку.

– Ты все врешь, старая карга!

Голос Дарьюшки прозвучал тихо и зловеще. Она взглянула на старуху, и глаза ее сверкнули гневом.

– Меня батя любит! Стал бы он меня баловать, если бы я ему не родная была? Отдал бы кому-нибудь, и дело с концом.

– Он и хотел отдать! – горько усмехнулась старуха, – да что-то дурное взбрело ему в голову, пожалел тебя, выродка. Зачем, спрашивается, пожалел? Ты-то, смотрю, не больно его жалеешь! Перед парнями вовсю ноги раздвигаешь! Бесстыдница!

– Попридержи язык, бабка Катерина! Я Дарьюшку в жены возьму! – не выдержав, сказал Алеша.

– Кто б тебе ее отдал! – ехидно ответила старуха.

Перед глазами Дарьюшки замелькали картинки. Вот они с отцом пасут коров в поле, вот он учит ее стирать белье на речке, вот она сидит в углу жаркой кузницы и ждет, когда отец закончит работу, а вот они идут за руку зимой, и под их ногами скрипит блестящий снег. Он всегда был ее поддержкой и опорой, он всегда был рядом. Как он может быть ей не родным? Дарьюшка осела на пол и прижала руки к груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.